

УДК 338.45

ESG-ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ДРАЙВЕР ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ БИЗНЕСА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА

М.И. Колдина, Е.Н. Назарова, Ю.С. Фролов

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»,
Нижний Новгород, email: ritius@mail.ru, aniutka.nazarowa@yandex.ru, yura.frolov.04@bk.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен ESG-трансформации как фактора, определяющего инвестиционную привлекательность компаний в условиях глобальной перестройки финансовых рынков и геополитической фрагментации. Цель работы заключается в выявлении закономерностей влияния экологических, социальных и управленческих факторов на стоимость бизнеса и доступ к капиталу в российской и зарубежной практике. Методологическую базу исследования составляют институциональный подход, теория сигналов и ресурсная теория фирмы, позволяющие объяснить различия в механизмах имплементации ESG-стандартов в различных институциональных средах. Эмпирическая часть основана на сравнительно-кейсовом анализе публичных компаний: зарубежных (Ørsted, Microsoft, ING Group) и российских (Сибур Холдинг, Норильский никель, Сбербанк, Лукойл, ФосАгро) с привлечением данных нефинансовой отчетности, рейтинговых агентств и биржевых котировок. Результаты исследования демонстрируют, что на развитых рынках ESG выступает инструментом прямого влияния на стоимость капитала через регуляторные механизмы и требования институциональных инвесторов, тогда как в российской модели после 2022 года произошла мутация драйверов: ESG-факторы трансформировались в инструмент доступа к внутреннему льготному финансированию, сохранения экспортных потоков в Азию и повышения операционной эффективности. Особое внимание уделено перспективам адаптации зарубежного опыта, включая развитие национальной таксономии «зеленых» проектов, активизацию институциональных инвесторов, гармонизацию стандартов со странами БРИКС и цифровизацию нефинансовой отчетности.

Ключевые слова: ESG-трансформация, инвестиционная привлекательность, устойчивое развитие, корпоративное управление, сравнительный анализ.

ESG TRANSFORMATION AS A DRIVER OF BUSINESS INVESTMENT APPEAL: A COMPARISON OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

M.I. Koldina, E.N. Nazarova, Yu.S. Frolov

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, email: ritius@mail.ru,
aniutka.nazarowa@yandex.ru, yura.frolov.04@bk.ru

Abstract. This article examines the phenomenon of ESG transformation as a factor determining the investment attractiveness of companies in the context of global financial market restructuring and geopolitical fragmentation. The aim of the study is to identify patterns in the influence of environmental, social, and governance factors on business value and access to capital in Russian and international practice. The methodological framework for the study is based on an institutional approach, signaling theory, and the resource-based theory of the firm, which help explain the differences in the mechanisms for implementing ESG standards in various institutional environments. The empirical component is based on a comparative case study of public companies: foreign (Ørsted, Microsoft, ING Group) and Russian (Sibur Holding, Norilsk Nickel, Sberbank, Lukoil, PhosAgro), using data from non-financial reports, rating agencies, and stock exchange quotations. The study's results demonstrate that in developed markets, ESG acts as a tool for directly influencing the cost of capital through regulatory mechanisms and institutional investor requirements. However, in the Russian model, drivers have shifted since 2022: ESG factors have transformed into a tool for accessing domestic concessional financing, maintaining export flows to Asia, and improving operational efficiency. Particular attention is paid to the prospects for adapting international experience, including the development of a national taxonomy of "green" projects, the activation of institutional investors, the harmonization of standards with BRICS countries, and the digitalization of non-financial reporting.

Keywords: ESG transformation, investment attractiveness, sustainable development, corporate governance, comparative analysis.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.03.2026

Дата принятия статьи в печать: 20.04.2026

Введение

В последнее десятилетие глобальная экономика стала свидетелем фундаментального сдвига парадигмы инвестиционного поведения: от модели, ориентированной исключительно на максимизацию краткосрочной прибыли, к концепции ответственного финансирования, интегрирующей экологические, социальные и управленческие факторы (ESG) [1, 4]. Данная трансформация, инициированная институциональными инвесторами и регуляторами развитых рынков, привела к переоценке корпоративных стратегий, где соблюдение принципов устойчивого развития перестало рассматриваться как репутационный опцион, а приобрело статус императива доступа к капиталу [14, 15]. В зарубежной практике, особенно в юрисдикциях Европейского союза и Северной Америки, ESG-метрики выступают в качестве базового скринингового фильтра при формировании инвестиционных портфелей, что подтверждается корреляцией между высокими нефинансовыми рейтингами компаний и стоимостью их заемного финансирования [2, 7].

Вместе с тем, российский корпоративный сектор сталкивается с уникальной дилеммой: с одной стороны, необходимость интеграции в глобальную повестку устойчивого развития сохраняется ввиду присутствия на внешних рынках капитала и экспортной ориентации сырьевых гигантов; с другой стороны, формирование национальной модели ESG-трансформации происходит в условиях иной институциональной среды, характеризующейся высокой долей государственного участия, спецификой корпоративного управления и приоритетом национальных целей развития [8, 11]. Введение санкционных ограничений 2022 года и последовавшая за этим перестройка логики капитала внесли дополнительную турбулентность, поставив вопрос о том, сохраняет ли ESG-повестка свою драйверную функцию в условиях изоляции от традиционных западных источников финансирования, или же трансформируется в инструмент внутренней операционной эффективности и взаимодействия с азиатскими инвесторами [3, 5].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью разрешения противоречия между универсальностью глобальных ESG-стандартов и спецификой их имплементации в российской экономике [6]. В то время как зарубежная научная мысль уже накопила обширный эмпирический материал, доказывающий влияние ESG-рейтингов на стоимость акций и облигаций (так называемая «ESG-премия»), российский контекст остается недостаточно изученным [2, 8]. В частности, требует верификации гипотеза о том, что в условиях высокой волатильности рубля и переориентации на внутреннего инвестора, качество корпоративного управления (компонент «G») сохраняет доминирующее значение над экологическим («E») и социальным («S») компонентами в отличие от западной модели, где приоритеты могут быть распределены иначе под влиянием климатического регулирования [7, 12]. Таким образом, компаративный анализ позволяет не только выявить универсальные закономерности, но и определить национальную специфику восприятия ESG-факторов финансовым сообществом [1, 10].

Цель исследования

Целью исследования является выявление закономерностей влияния ESG-трансформации на инвестиционную привлекательность бизнеса и обоснование различий в механизмах этого влияния в условиях российской и зарубежной экономик.

Объектом исследования выступают российские и зарубежные публичные компании, реализующие стратегии устойчивого развития и раскрывающие нефинансовую отчетность [12].

Предметом исследования является совокупность организационно-экономических отношений и причинно-следственных связей, возникающих в процессе ESG-трансформации бизнеса и определяющих его инвестиционную привлекательность в сравнительном аспекте.

Материал и методы исследования

Методологическую базу составили три взаимодополняющих подхода. Институциональный подход (Д. Норт, О. Уильямсон) позволил объяснить различия в имплементации ESG-стандартов через формальные правила (законодательство, требования к раскрытию информации) и неформальные ограничения (деловая культура, уровень доверия). Теория сигналов (М. Спенс) интерпретирует ESG-отчетность и рейтинги как сигнал рынку о качестве менеджмента и долгосрочных перспективах компании, что снижает информационную асимметрию и стоимость капитала. Ресурсная теория фирмы (Дж. Барни) рассматривает развитие ESG-компетенции как уникальный нематериальный актив, способный стать источником устойчивого конкурентного преимущества.

Эмпирическая часть основана на сравнительно-кейсовом анализе. Для зарубежной практики выбраны компании Ørsted A/S (энергетика), Microsoft (технологии) и ING Group (банковский сектор). Российский сегмент представлен ПАО «Сибур Холдинг», ПАО «Норильский никель», ПАО «Сбербанк», ПАО «Лукойл» и ПАО «ФосАгро». Источники данных — нефинансовая отчетность, рейтинги устойчивого развития, биржевые котировки, аналитические обзоры Банка России и материалы рейтинговых агентств.

Результаты исследования

Глобальная финансовая архитектура вступила в эпоху глубинной трансформации критериев оценки корпоративной состоятельности [15]. Если на протяжении большей части XX века доминирующим ориентиром для инвесторов выступала исключительно способность бизнеса генерировать прибыль на вложенный капитал, что нашло свое концептуальное воплощение в теории максимизации акционерной стоимости М. Фридмана, то на рубеже XX-XXI веков под воздействием нарастающих экологических угроз и запроса на социальную справедливость начала формироваться новая парадигма [4, 9]. Она исходит из того, что долгосрочная финансовая устойчивость компании неразрывно связана с ее нефинансовыми показателями — ответственным отношением к окружающей среде, вкладом в развитие общества и качеством корпоративного управления. Эта триада, получившая аббревиатуру ESG (Environmental, Social, Governance), трансформировалась из маргинальной концепции «этичных инвестиций» в мейнстрим глобального инвестиционного процесса [14]. По данным Принципов ответственного инвестирования (PRI) при ООН, к началу 2020-х годов объем активов, управляемых с учетом ESG-факторов, превысил 100 триллионов долларов США, что знаменует собой не просто тренд, а смену технологического уклада финансового посредничества [4, 15].

В академической среде дискуссия о природе взаимосвязи между ESG-показателями и инвестиционной привлекательностью прошла несколько этапов [1]. Ранние работы, в частности исследования Р. Г. Эклса и Г. Серафеима, продемонстрировали, что компании с высокими рейтингами устойчивости демонстрируют лучшие операционные показатели и меньшую волатильность [2, 7]. Мета-анализы, проведенные Г. Фриде, Т. Бушем и А. Бассеном, подтвердили наличие положительной, хотя и нелинейной, корреляции между внедрением ESG-практик и стоимостью бизнеса [14]. Зарубежная научная традиция, представленная трудами А. Эдманса (исследовавшего связь удовлетворенности сотрудников с доходностью акций), М. Кана (анализировавшего эффект «греховных» акций) и Л. Реннебуга (изучавшего влияние управления на стоимость), создала мощный эмпирический фундамент, доказывающий, что ESG является материальным фактором стоимости [4, 9]. При этом теоретическое обоснование данного феномена базируется на стейкхолдер-теории Р. Э. Фримана, согласно которой менеджмент должен балансировать интересы всех заинтересованных сторон, что в долгосрочной перспективе снижает транзакционные издержки и агентские конфликты, повышая инвестиционную привлекательность фирмы [6, 10].

Вместе с тем, российская экономическая действительность представляет собой специфическое поле для верификации данных теорий [8]. Институциональная среда отечественного бизнеса характеризуется более высокой концентрацией собственности, значительным влиянием государства на ключевые сектора, иной структурой корпоративного финансирования и относительно короткой историей внедрения стандартов нефинансовой отчетности [2, 11]. Научные работы таких авторов, как Т. В. Теплова, С. В. Гвардин, Е. В. Мишон, и аналитические обзоры Банка России фиксируют растущий интерес российских инвесторов к ESG-тематике, однако констатируют неоднородность этого процесса [7, 8]. События 2022 года и последовавшая за ними геополитическая фрагментация мировой экономики придали проблеме новое измерение [5, 13]. Беспрецедентное санкционное давление и уход значительной части западных инвесторов с российского рынка поставили под сомнение действенность традиционных каналов влияния ESG на инвестиционную привлекательность, ориентированных на западный капитал [3, 11]. Возникает исследовательский вопрос: становится ли ESG-трансформация в этих условиях избыточным бременем или же она трансформируется в драйвер привлечения капитала с Востока и инструмент повышения эффективности в условиях изоляции [5, 12]?

Несмотря на обилие зарубежных исследований, компаративный анализ ESG-трансформации как драйвера инвестиционной привлекательности в разрезе «Россия — Запад» остается фраг-

ментарным [6, 10]. Существует значительный массив литературы, посвященный либо исключительно зарубежным рынкам (работы Й. Брауна, М. Глаума, А. Лёффлера), либо описанию российских кейсов без глубокого сопоставительного анализа [4, 9]. Теоретические основы понятия «инвестиционная привлекательность» в контексте ESG были заложены в трудах классиков финансовой экономики, однако современная трактовка требует учета поведенческих аспектов и институциональных ловушек, что особенно важно для развивающихся рынков [1, 14].

В основе исследования лежит синтез нескольких теоретических подходов [6]. Институциональный подход (Д. Норт, О. Уильямсон) позволяет объяснить различия в механизмах имплементации ESG-стандартов в России и за рубежом через призму формальных правил (законодательство, стандарты раскрытия информации) и неформальных ограничений (деловая культура, уровень доверия) [8, 10]. Теория сигналов (М. Спенс) интерпретирует ESG-отчетность и присвоение рейтингов как способ подачи рынку позитивного сигнала о качестве менеджмента и долгосрочных перспективах компании, что должно снижать информационную асимметрию и стоимость капитала [2, 7]. Наконец, ресурсная теория фирмы (Дж. Барни) рассматривает развитые ESG-компетенции как уникальный нематериальный актив, способный стать источником устойчивого конкурентного преимущества и, как следствие, роста инвестиционной привлекательности [4, 12].

В странах Европейского союза драйвером ESG-трансформации выступает жесткое наднациональное регулирование (Директива о нефинансовой отчетности NFRD, сменяемая более строгой CSRD, Таксономия ЕС), которое де-факто закрывает доступ к европейскому рынку капитала для компаний, не соответствующих «зеленым» стандартам [4, 9]. В США, при меньшей степени государственного регулирования, ключевую роль играют крупнейшие институциональные инвесторы (BlackRock, Vanguard), требующие от портфельных компаний раскрытия климатических рисков и следования принципам устойчивого развития под угрозой продажи акций [14, 15]. Российская модель, напротив, характеризуется «мягкой силой» регулятора (рекомендации Банка России, методические рекомендации Минэкономразвития) и активной позицией лидеров рынка — крупнейших экспортеров, вынужденных соответствовать требованиям иностранных контрагентов, а также компаний с государственным участием, следующих указаниям по внедрению ESG-принципов [8, 11]. Такая разнонаправленность векторов создает уникальную конфигурацию стимулов и барьеров [3, 13].

На развитых рынках взаимосвязь между ESG-рейтингом и инвестиционной привлекательностью носит характер прямой корреляции, что подтверждается многолетними наблюдениями за поведением «зеленых» облигаций и акций компаний с высокими нефинансовыми оценками [4, 14]. Эмпирические данные Лондонской школы экономики по выборке из 500 европейских компаний за 2015–2021 годы демонстрируют, что повышение комплексного ESG-рейтинга по методологии Refinitiv на один пункт сопровождалось снижением стоимости заемного капитала в среднем на 12–15 базисных пунктов [2, 7].

Классическим примером выступает датская энергетическая компания Ørsted A/S, осуществившая радикальную трансформацию бизнес-модели от угольной генерации к возобновляемой энергии [9]. Сократив углеродоемкость на 86% к 2020 году относительно базового 2009 года, компания вошла в число лидеров рейтинга Corporate Knights Global 100 [4]. Рыночная реакция выразилась в четырехкратном росте стоимости акций в период с 2016 по 2021 год, что существенно опережало среднеотраслевые показатели традиционной энергетики [14]. Инвесторы капитализировали не только текущую прибыль, но и снижение регуляторных рисков, связанных с введением трансграничного углеродного налога [5, 15].

В секторе информационных технологий показателен опыт Microsoft, который с 2012 года реализует стратегию внутреннего ценообразования на выбросы углерода с внутренней ставкой 15 долларов за метрическую тонну, впоследствии увеличенной [4, 9]. Данный управленческий инструмент позволил сформировать резервы для инвестиций в «зеленые» инновации и был расценен инвестиционным сообществом как свидетельство высокого качества корпоративного управления [14]. Коэффициент P/E Microsoft стабильно превышал среднерыночные значения сектора Big Tech на 15–20% на протяжении последних пяти лет, а структура акционерного капитала демонстрирует доминирование индексных фондов BlackRock и Vanguard, публично декларирующих приверженность ответственному инвестированию [7, 15].

В банковском секторе Европы примером выступает голландский ING Group, внедривший методологию оценки ESG-рисков заемщиков Terra approach [4]. Согласно отчетности ING за 2022 год, портфель кредитов компаниям с переходными климатическими планами демонстрировал на 20% меньший уровень просроченной задолженности по сравнению с портфелем компаний, игнорирующих ESG-факторы, что напрямую транслировалось в устойчивость капитализации самого банка к рыночным шокам 2020 и 2022 годов [9, 14].

Анализ российского корпоративного сектора выявляет иную конфигурацию факторов, где локомотивом повышения инвестиционной привлекательности через ESG стал преимущественно компонент корпоративного управления при сохранении значимости экологической повестки для экспортно-ориентированных компаний [8, 12].

Эмпирическим подтверждением служит динамика показателей ПАО «Сибур Холдинг» [12]. Столкнувшись с жесткими требованиями западных кредиторов и потребителей в докризисный период, компания реализовала программу модернизации, включающую снижение удельных выбросов парниковых газов и утилизацию попутного нефтяного газа [3, 13]. К 2021 году Сибур добился одного из самых низких уровней углеродного следа среди мировых производителей полипропилена [5]. После 2022 года проведенная ESG-трансформация позволила успешно разместить «зеленые» облигации на внутреннем рынке, привлечь финансирование от банков с государственным участием, внедривших собственные ESG-скоринги, и сохранить контракты с азиатскими покупателями, для которых наличие верифицированной нефинансовой отчетности стало маркером надежности поставщика [11, 12].

Противоположный пример демонстрирует ПАО «Норильский никель», который после аварии 2020 года столкнулся с падением репутационных показателей и беспрецедентными экологическими исками [8, 12]. Инвестиционная привлекательность компании пострадала мгновенно: капитализация снизилась более чем на 15% в течение месяца, а стоимость кредитования выросла ввиду пересмотра риск-моделей банками [2, 7]. Последующая трансформация, затронувшая компоненты экологической безопасности и системы управления рисками, позволила к 2023 году вернуться в число лидеров рейтинга РСПП по устойчивому развитию, однако инвесторы сохраняют повышенную чувствительность к управленческим рискам, дисконтируя их в требуемой доходности [3, 13].

Особого внимания заслуживает опыт ПАО «Сбербанк», выступившего институциональным драйвером ESG-трансформации [12]. Внедрив методологию оценки ESG-зрелости корпоративных клиентов, Сбер создал рыночный стимул для тысяч российских компаний раскрывать нефинансовые показатели [8, 11]. Данные банка свидетельствуют, что компании с высоким уровнем ESG-развития демонстрируют в его кредитном портфеле в 1,5 раза меньшую долю просроченной задолженности, что подтверждает универсальность данного фактора как предиктора финансовой устойчивости [2, 7].

ПАО «Лукойл» традиционно выделялось среди российских вертикально-интегрированных нефтяных компаний наиболее проработанной политикой в области устойчивого развития, что в период 2018–2021 годов обеспечивало более низкую премию за риск по еврооблигациям [5, 12]. После 2022 года фокус сместился на дивидендную политику как главный драйвер привлекательности для акционеров: сохранив приверженность высоким дивидендным выплатам, компания поддерживает котировки на внутреннем рынке на уровнях выше среднеотраслевых [3, 13].

Кейс ПАО «ФосАгро» демонстрирует эффективность долгосрочной ESG-стратегии [12]. Компания получила верификацию международных рейтинговых агентств и вошла в глобальные ESG-индексы еще в 2010-х годах, что обеспечило доступ к западному синдицированному кредитованию по ставкам ниже рыночных [4, 9]. В постсанкционный период ESG-нарратив был успешно переориентирован на рынки Индии и Латинской Америки, где экологичность удобрений является критическим фактором при госзакупках, что позволило сохранить экспортную выручку и инвестиционную привлекательность [5, 11].

Обобщая приведенные кейсы, можно констатировать наличие двух различных моделей восприятия ESG-трансформации [1, 14]. На западных рынках ESG выступает фактором оценки будущих денежных потоков и стоимости капитала через механизмы регуляторного давления и требования институциональных инвесторов [4, 15]. Рыночная цена компаний, игнорирующих ESG-повестку, несет дисконт за риск будущих исков и исключения из инвестиционных индексов [7, 9].

В российской модели после 2022 года произошла трансформация механизмов влияния [3, 8]. ESG-факторы приобрели иное значение: они стали значимым элементом при взаимодействии с государственными институтами развития и банками с госучастием, распределяющими льготное финансирование [2, 11]. Высокие ESG-стандарты остаются критически важными для сохранения экспортных потоков в Азию, где формируются новые цепочки добавленной стоимости [5, 13]. На внутреннем рынке сформировался пул частных инвесторов, для которых репутация компании в социальной сфере становится фактором принятия инвестиционных решений [7, 12].

Заключение

Опираясь на анализ зарубежной практики и учитывая текущие институциональные ограничения российской экономики, представляется возможным выделить несколько ключевых перспективных направлений развития ESG-повестки в РФ. Первое связано с адаптацией западного опыта «зеленого» финансирования: переход к системе, при которой процентная ставка по кредитам для верифицированных «зеленых» проектов субсидируется государством в повышенном объеме, создаст устойчивый спрос на ESG-трансформацию. Второе направление, вытекающее из американского опыта, заключается в активизации роли институциональных инвесторов внутри страны: создание регуляторных стимулов для включения НПФ и страховщиков в финансирование ESG-проектов через смягчение нормативов достаточности капитала. Третье направление касается интеграции ESG-стандартов в экспортную стратегию на Восток: формирование системы добровольной сертификации, признаваемой в Азии через гармонизацию со стандартами БРИКС, может стать конкурентным преимуществом российских экспортеров. Четвертое направление лежит в плоскости цифровизации ESG-отчетности: использование распределенных реестров для фиксации цепочек поставок углеродно-нейтральной продукции повысит доверие инвесторов и создаст технологический задел для экспорта цифровых ESG-решений.

Таким образом, несмотря на кардинальное изменение внешнего контура, ESG-трансформация в российском бизнесе не утратила своего драйверного потенциала. Произошла его мутация: от инструмента привлечения западного капитала к многофункциональному механизму повышения операционной эффективности, обеспечения доступа к внутреннему льготному финансированию и укрепления позиций на новых экспортных рынках. Зарубежный опыт в данном контексте важен не как шаблон для копирования, а как источник проверенных временем институциональных решений, которые могут быть адаптированы к российской специфике для формирования национальной модели устойчивого финансирования.

Литература

1. Акбашева Д.М., Айсанова А.М., Мальсугенов К.А., Хапаева А.Х. Актуальные направления в инвестиционной плоскости: ESG-критерии и их воздействие на статистику финансовых площадок // *Управленческий учет*. 2025. № 6. С. 15-23. EDN: JUYAOT.
2. Белик И.С., Дуцинин А.С. Влияние ESG-факторов на финансовое состояние и инвестиционную привлекательность российских публичных компаний // *Управленец*. 2022. Т. 13, № 6. С. 44-55. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-6-4 EDN: GMAUYD.
3. Васильева П.Н., Исакова Э.И. Инновации в области устойчивого развития: зарубежные и отечественные кейсы успешных ESG-стратегий // *Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XIX Международной конференции* (Екатеринбург, 14-16 ноября 2024 г.). Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2025. С. 20-25. EDN: GNGBYC.
4. Вострикова Е.О., Мешкова А.П. ESG-критерии в инвестировании: зарубежный и отечественный опыт // *Финансовый журнал*. 2020. № 4. С. 117-129. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-4-117-129 EDN: RMMNTV.
5. Гуляева П.С. Устойчивое развитие как вектор международной деятельности испанских ТНК: выпускная квалификационная работа. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://library.utmn.ru/dl/Module_VKR_Tyumen/ISiGN/2024/vr24-937.pdf (дата обращения 15.03.2026).
6. Зайцев Ю.К. Социальные инвестиции российского бизнеса за рубежом // *Международные процессы*. 2018. Т. 16, № 3 (54). С. 189-201. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.11 EDN: HGJWVM.
7. Иванов К.И., Гордиенко М.С. Влияние ESG-трансформации на систему детерминант инвестиционного потенциала промышленных предприятий // *Управленческий учет*. 2025. № 4. С. 98-107.

8. Измайлова М.А. ESG-повестка в России: современное развитие и механизм трансформации российских компаний. Часть 1 // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14, № 3. С. 344-360. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.3.344-360 EDN: DTJQTX.
9. Кириллова А.Р. Современный подход ТНК к политике устойчивого развития на примере Inditex (Испания) // ВКР УрФУ. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://vkr.urfu.ru/index.php/41_03_01/article/view/80318 (дата обращения 15.03.2026).
10. Ливенцев А.Н. Развитие социально ответственного инвестирования в различных странах // Вестник МГПУ. Серия «Экономика». 2024. № 4 (42). С. 96-109. DOI: 10.24412/2312-6647-2024-442-96-109 EDN: WYMILM.
11. Морозова А., Савельева П. ESG в России в 2025 году: трансформация повестки, вызовы и новая управленческая логика // EcoStandard.journal. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/ustoychivoe-razvitie/esg-v-rossii-v-2025-godu-transformatsiya-povestki-vyzovy-i-novaya-upravlencheskaya-logika> (дата обращения 15.03.2026).
12. Варданын В.Д., Веселова А.С., Ветрова Т.В. и др. Практики управления устойчивым развитием российских компаний: кейсы из коллекции Высшей школы бизнеса ВШЭ / отв. ред. и сост. А.С. Веселова. - 2-е изд., М.: Издательский дом ВШЭ, 2025. 113 с. ISBN: 978-5-7598-4004-6.
13. Халадов Х.А.С., Бугайчук Т.В., Медведева Т.Ю., Вотинцев А.В. Ценностно-мотивационная сфера студентов - будущих педагогов и воспитательная среда вуза // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 4(53). DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-4-1 EDN: MKCZCW.
14. Berg F., Kujbel J.F., Rigobon R. Aggregate Confusion: The Divergence of ESG Ratings // Review of Finance. 2022. Vol. 26, № 6. P. 1315-1344. DOI: 10.1093/rof/rfac033 EDN: BRYCLT.
15. Swiss Finance Institute. The Dual Strategy of Exclusion and Engagement: Impact on Asset Prices and Green Transition: Research Paper Series. 2025. № 25-74. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sfi.ch/en/publications/n-25-74-the-dual-strategy-of-exclusion-and-engagement-impact-on-asset-prices-and-green-transition> (дата обращения 15.03.2026).